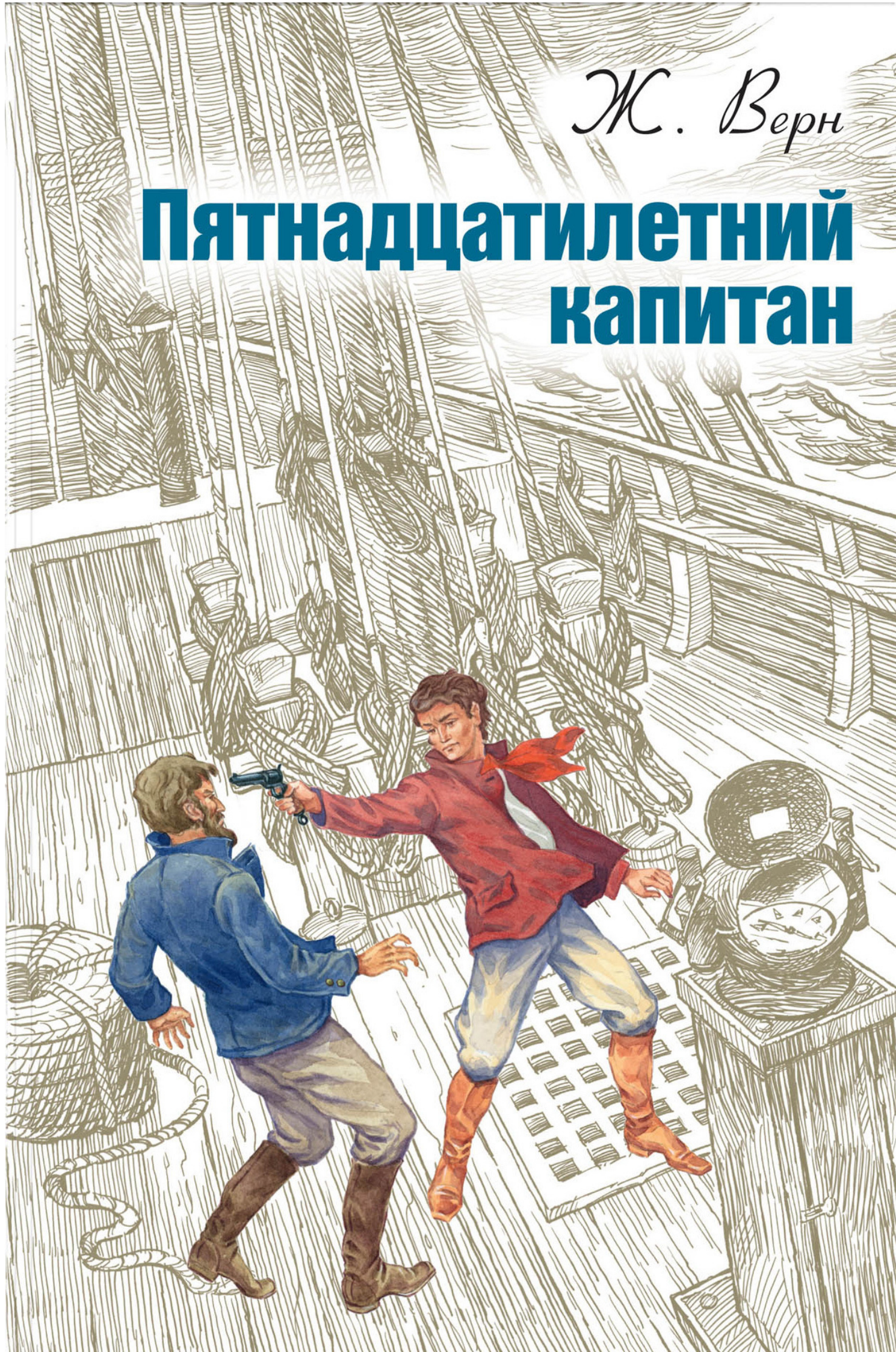

Ж. Верн

Пятнадцатилетний капитан

Мировая книжка

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

«ЭНАС»

1878

УДК 82-3
ББК 84-44

Верн Ж. Г.

Пятнадцатилетний капитан / Ж. Г. Верн — «ЭНАС»,
1878 — (Мировая книжка)

ISBN 978-5-91921-597-4

Роман «Пятнадцатилетний капитан» знаменитый писатель Жюль Верн посвятил своему сыну Мишелю, которому тогда как раз исполнилось пятнадцать лет. Отправляйтесь и вы в увлекательное путешествие по стопам Дика Сэнда – главного героя этой книги, которому по воле случая пришлось стать капитаном в столь юном возрасте. Вас ждут суровые испытания и незабываемые приключения на море и на суше! Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-597-4

© Верн Ж. Г., 1878
© ЭНАС, 1878

Содержание

Предисловие от издательства	6
Часть первая	8
Глава I	9
Глава II	16
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	32
Глава VI	42
Глава VII	48
Глава VIII	53
Глава IX	58
Глава X	64
Глава XI	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

Jules Gabriel Verne

Un capitaine de quinze ans

* * *

© П. В. Высоцкий. Обложка, 2017

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

Предисловие от издательства

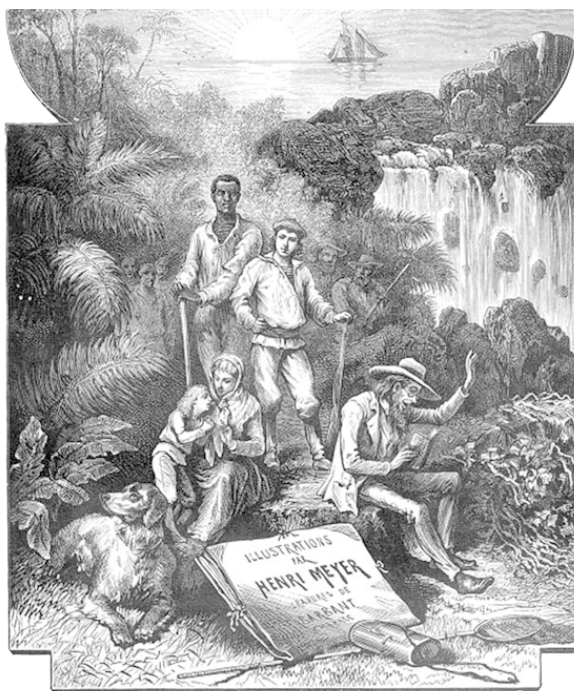
В 1864 году первый роман французского писателя Жюль Верна (1828–1905) был переведен на русский язык и опубликован в Москве. С этого момента автор приключенческих романов покорила сердца российских читателей. Его произведения выдержали не одно переиздание. О творчестве Жюль Верна с большим уважением отзывались великие русские писатели. Л. Н. Толстой говорил: «Романы Жюль Верна превосходны, я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев!». М. Е. Салтыков-Щедрин опубликовал в журнале «Современник» хвалебную рецензию на первое произведение французского писателя, отметив, что роман «непременно должен стать настольной детской книгой». Великий русский сатирик оказался абсолютно прав. И сейчас, спустя много лет, творчество Жюль Верна остается классикой детской приключенческой литературы.

Жюль Верн оказался очень плодовитым писателем: на протяжении 40 лет он публикует как минимум один роман в год. Тем удивительнее тот факт, что такой талантливый человек долгое время даже и не помышлял о литературной карьере. Пьер Верн – отец будущего писателя – был потомственным юристом, и сыну предстояло унаследовать его контору. Но судьба распорядилась иначе. В Париже, куда Жюль Верн отправился изучать юриспруденцию, он познакомился с Александром Дюма, который и посоветовал безвестному в ту пору провинциалу попробовать свои силы в литературе. Первые работы – пьесы для театра – не принесли ему сколько-нибудь заметного успеха. По-настоящему знаменитым его сделали приключенческие романы.

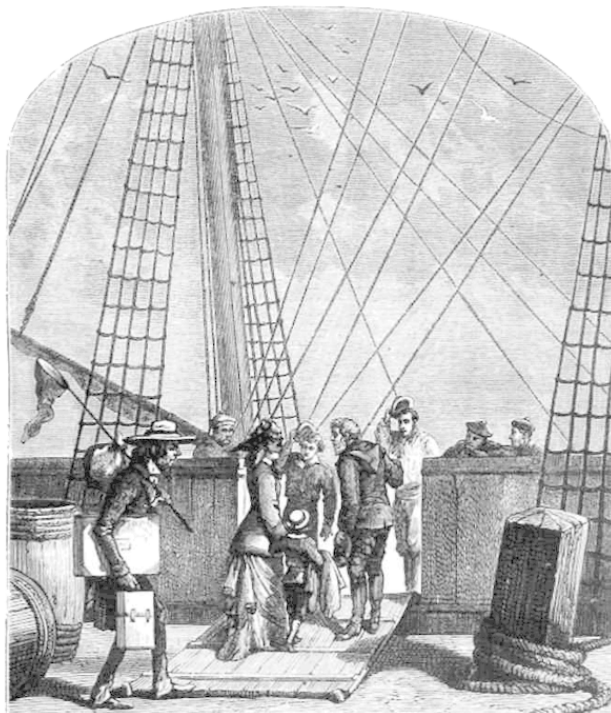
Роман «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верн написал как... подарок и наставление! Сын Жюль Верна – Мишель был не самым примерным ребенком и доставлял своим родителям много беспокойства, он часто бывал упрям и угрюм. Тогда Жюль Верн решил, что Мишелю нужен хороший пример для подражания. Таким примером стал главный герой романа «Пятнадцатилетний капитан» – Дик Сэнд. В пятнадцать лет ему пришлось встать за штурвал корабля и взять на себя ответственность за жизнь команды и пассажиров. Мужественный, ответственный и очень добрый юноша не бросает друзей в беде, не пасует перед сложностями, которые ждут его на пути, и никогда не теряет само обладания. Дик Сэнд и сейчас остается отличным примером для подростков, его приключения не оставляют равнодушными юных читателей.

Для удобства чтения этого увлекательного и весьма познавательного произведения в конце книги помещен словарь морских терминов.

В книге воспроизведены гравюры Шарля Барбана (1844–1922) по рисункам выдающегося французского художника Анри Мейера (1844–1899) из парижского издания 1878 года.

Часть первая

Глава I

Шхуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°19' западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали выми-

рать, и охотникам приходилось промысливать полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты – если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда – сборище довольно темных личностей – вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополна нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжких месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из транс-океанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан – старухой негритянкой, которая вынянчила еще саму миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок – пять-

¹ Настоящие киты, в отличие от полосатиков, дают охотникам не только ворвань (переработанный в ценное промышленное сырье жир), но и китовый ус (роговые пластины, употребляемые для изготовления разных изделий).

десять, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился – надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решила совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу – таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом², и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть – естественная история – поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» – это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова – кем-то вроде Кювье³ Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырех типов – позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, – на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал

² Сюлли Прюдом (1839–1907) – французский поэт и эссеист.

³ Жорж Кювье (1769–1832) – известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил (ныне устаревшую) классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа.

ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и под-
семейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пре-
смыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли
перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представи-
телей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется,
что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако
и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, рако-
образные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицин-
ской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от
сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающая-
ся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомо-
логия» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для
обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых разли-
чаются три отдела – голова, грудь и брюшко – и которые снабжены одной парой сяжков⁴ и
тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее
десяти отрядов:

Прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.).

Сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы).

Перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи).

Чешуекрылые (представители: бабочки).

Полужесткокрылые (представители: цикады, блохи).

Жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки).

Двукрылые (представители: комары, москиты, мухи).

Веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы).

Паразиты (представители: клещи).

Низшие насекомые (представители: чешуйницы).

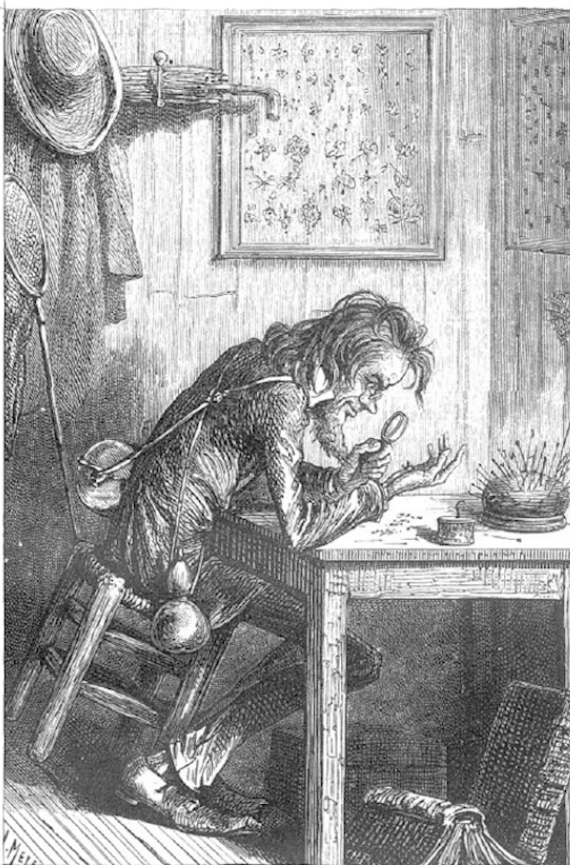
Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных
видов, а среди двукрылых – шестьдесят тысяч⁵, поэтому нельзя не признать, что работы для
одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии.
Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна,

⁴ Сяжки – парные усики насекомых.

⁵ Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были прищиплены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправ-

ление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Миссис Уэлдон перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука-стафилина – плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катипо», как его называют маори⁶, укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

– Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

⁶ *Маори* – коренное население Новой Зеландии.

– Что за странные слова, капитан Гуль?

– Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это во-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам, специально приспособленным для перевозки пассажиров.

– Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

– О да, несомненно! – ответил капитан. – Сам я, не задумываясь, взял бы на борт «Пилигрима» свою семью.

«Пилигрим» – отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

– Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

– Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, – в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному берегу Нового Света.

Глава II

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» – пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, – жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо

И все-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее – его бегущий взгляд не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье.

Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того – товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своем крохотном камбузе, большую часть площадки которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд – так звали его – по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, – о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзон, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «*audens*» – дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали – им все «с руки», с кем бы они ни шли – они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восьми лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» – китобойный промысел – не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учеб-

ным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя – капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить Бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет – таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла ему своего маленького Джека. Ребенок льнул к Дику, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик все свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела на то, как Джек взбирался по вантам на мачту или даже на салинг брам-стенги и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручонки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Гулю. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерог, не говоря о том, что экваториальное течение могло больше отбросить его на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и признавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он непременно уговорил бы свою пассажирку пересесть на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» находился под такой высокой широтой, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь частым, каким оно стало впоследствии.

Капитану Гулю оставалось только ждать, пока погода не смиростивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского перехода, как вдруг 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг фор-брам-стенги; оттуда им видна была вся палуба корабля и плещущий далеко внизу океан. Кормовая часть горизонта заслонялась грот-мачтой, которая несла косой грот и топсель. Перед их глазами над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой – фор-марсель и брамсель. Шхуна-бриг держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и дает довольно сильный крен на штирборт, как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

– Что это?!

– Ты что-нибудь увидел, Джек? – спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

– Да, да! Вон там! – сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

– С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

Глава III

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, с пристальным вниманием разглядывали обломок судна, видневшийся на море.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный мальчиком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

– Что бы это могло быть? – спросил один из матросов.

– По-моему, плот! – ответил другой.

– Может быть, там люди?.. Несчастные терпят бедствие... – сказала миссис Уэлдон.

– Подойдем поближе – узнаем, – ответил капитан Гуль. – Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

– Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! – заявил кузен Бенедикт.

– Не думаю, – сказал юноша.

– А что же это, по-твоему, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Я полагаю так же, как и капитан Гуль, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. Мне кажется, что я различаю даже, как блестит на солнце его обшитый медью киль.

– Да... да... теперь и я вижу, – подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

– Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

– Есть, капитан! – ответил рулевой.

– Я остаюсь при своем мнении, – заявил кузен Бенедикт. – Бесспорно, перед нами морское животное.

– В таком случае это медный кит, – сказал капитан Гуль. – Глядите, как он сверкает на солнце.

– Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, – заметила миссис Уэлдон. – Ясно видно, что он лежит без движения.

– Что ж из этого, кузина Уэлдон? – настаивал на своем ученый. – Мало ли было случаев, когда корабли встречали спящих на воде китов!

– Совершенно верно, – сказал капитан Гуль. – И все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

– Посмотрим, – ответил упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

– Одерживай, Болтон, одерживай! – крикнул капитан Гуль. – Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов. Мы-то уж ничем не можем повредить этому обломку, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бока «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево.

Шхуна-бриг находилась на расстоянии одной мили от погибшего корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в опрокинувшееся набок судно. Быть может, в трюмах его хранился ценный груз, который удастся перегрузить на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если

содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить «хороший улов» – за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося на бок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Крепление и обшивка были вмяты внутрь пробоины.

– Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! – воскликнул Дик Сэнд.

– Да, несомненно, – подтвердил капитан Гуль. – Но меня поражает, что он тут же не затонул. Это просто чудо.

– Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, – заметила миссис Уэлдон.

– Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, – ответил капитан Гуль. – Но вполне возможно, что экипажу после столкновения пришлось спасаться на собственных шлюпках. К сожалению, морская практика знает случаи, когда виновники аварии, не заботясь об участии пострадавшей команды, спокойно продолжали свой путь.

– Не может быть, капитан! Ведь это ужаснейшая бесчеловечность!

– К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. Судя по тому, что на этом корабле не осталось ни одной шлюпки, надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало встречное судно. Ведь отсюда почти невозможно добраться до суши на шлюпках – слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до американского континента.

– Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? – сказала миссис Уэлдон. – Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды?

– Это маловероятно, миссис Уэлдон, – ответил капитан Гуль. – Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! – крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» был всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд жестом попросил всех замолчать.

– Слушайте! Слушайте! – воскликнул он. Все насторожились.

– Кажется, собака лает...

Из корпуса тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Должно быть, она не могла выйти, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

– Если даже там осталась одна лишь собака, – спасем ее, капитан, – сказала миссис Уэлдон.

– Да, да, – воскликнул маленький Джек. – Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

– Стой на месте, сынок, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. – Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

– Так отдай ей мой суп, – сказал мальчик. – Я могу обойтись без супа!

Между тем лай с каждой минутой слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов расстояния. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Уцепившись передними лапами за фальшборт, животное отчаянно лаяло.

– Говик! – позвал капитан боцмана. – Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

– Держись, собачка! Держись! – кричал Джек, и собака, казалось, отвечала ему глухим лаем.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Гуль, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срываясь с него, падала на палубу и лаяла, не переставая; но казалось, что она лаяла не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

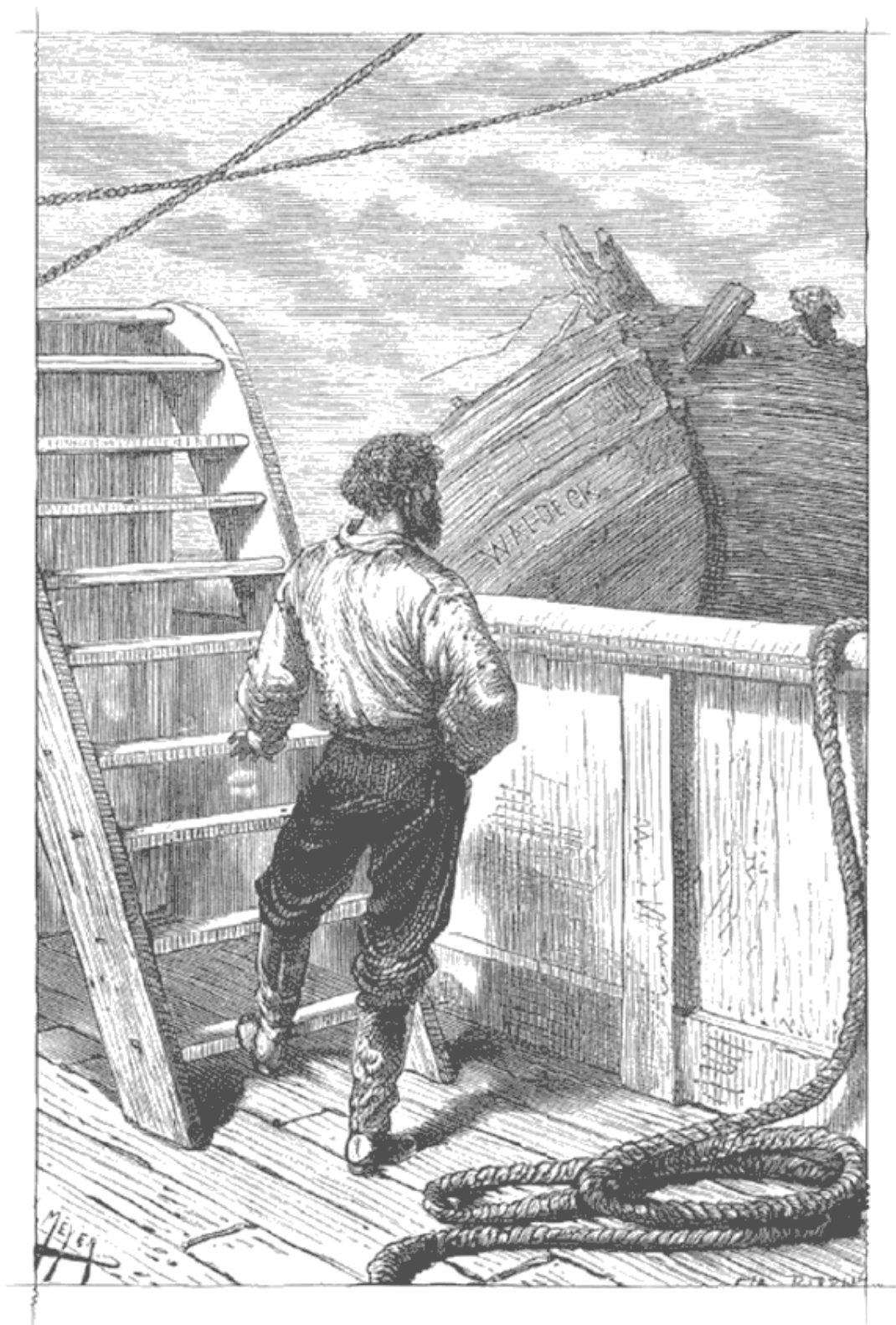
«Неужели там есть живые люди?» – думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели – еще несколько взмахов весел, и она подойдет к опрокинувшемуся корпусу судна.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее лае и рычанье слышалась яростная злоба. Всех удивила такая странная перемена.

– Что с собакой? – спросил капитан Гуль, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать к борту, погрузившемуся в воду.

Ни капитан Гуль, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное. Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился на мгновение, повернулся и ушел обратно на камбуз. Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименование порта, к которому приписано судно, не было обозначено. Но по форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Гуль установил, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус – вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина – след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, и «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и, просунув в него голову, отчаянно залаяла.

– Очевидно, этот пес – не единственное живое существо на корабле, – заметил Дик Сэнд.

– Я и сам так думаю, – сказал капитан Гуль. Шлюпка плыла теперь вдоль полузатонувшего борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На палубе брига все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, переломленные в двух футах от пяртнерса. Очевидно, мачты рухнули при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако, сколько видел глаз, нельзя было обнаружить никаких обломков. Из этого можно было сделать только один вывод: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

– Если люди и уцелели после столкновения, – сказал капитан Гуль, – то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

– Нет! – воскликнул Дик Сэнд. – Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в лодку, она с жадностью набросилась не на сухарь, который протянул ей Дик Сэнд, а на ведро с пресной водой.

Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке

– Бедная собака умирает от жажды! – воскликнул Дик Сэнд.

В поисках удобного места для причала шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонувшего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она громко и жалобно залаяла.

Все движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу левого борта. Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком Сэндом поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Не без труда, ползком, добрались они до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Балластом бригу служил песок; теперь он пересыпался на бакборт и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

– Здесь нет никого, – сказал капитан Гуль.

– Никого, – подтвердил юноша, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво требовала внимания людей.

– Здесь делать нечего, – сказал капитан Гуль. – Идем назад.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним, потом поползла к юту, как будто звала их туда.

И люди пошли за нею.

Пять человек – вероятно, пять трупов – лежали в кубрике.

При ярком дневном свете, проникавшем в отверстие меж двумя балками, капитан Гуль увидел, что это были негры.

Дику Сэнду, переходившему от одного к другому, показалось, что несчастные еще дышат.

– На борт «Пилигрима»! Всех на борт! – приказал капитан Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, были призваны на помощь. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако капитан Гуль надеялся, что несколько капель лекарства и глоток другой воды возвратят этих людей к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи подъемного гордения, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение поочередно подняли на палубу «Пилигрима». Собака также не была забыта.

– О, несчастные! – воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

– Они живы, миссис Уэлдон! – сказал Дик Сэнд. – Они еще живы. Мы их спасем!

– Что с ними случилось? – спросил кузен Бенедикт.

– Дайте им прийти в себя, и они расскажут нам свою историю, – ответил капитан Гуль. –

Но сначала их надо напоить водой и дать им немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

– Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом. Кок не показывался и не отвечал.

– Негоро! – еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шагу, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку и удержали ее силой.

– Вы знаете этого пса? – спросил капитан Гуль у кока.

– Я? – удивленно воскликнул Негоро. – И в глаза его никогда не видел!

– Вот странно! – прошептал Дик Сэнд.

Глава IV

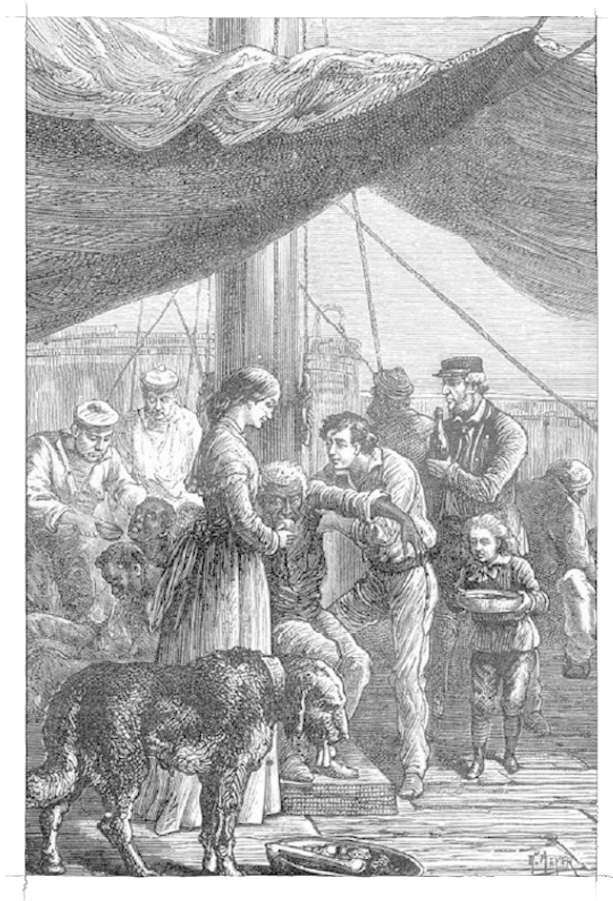
Спасенные с «Вальдека»

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Несмотря на то, что вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работоторговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, и, надо сказать, – даже цивилизованного мира.

Капитану Гулю это было известно.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Гуль подумал, что спасенные негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нан и Дика Сэнда поила их с ложки холодной водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом

В конце концов вода, которой они так долго были лишены, и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них – на вид старик лет шестидесяти – говорил по-английски; вскоре он уже был в состоянии отвечать на вопросы.

– Что случилось с «Вальдеком»? – спросил прежде всего капитан Гуль. – Он столкнулся с другим судном?

– Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, – ответил старый негр.

– Что стало с командой «Вальдека»?

– Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, господин.

– Вы думаете, что экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

– Надо надеяться, что так было, господин.

– И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

– Нет.

– Может быть, оно затонуло?

– О нет, – покачав головой, ответил старый негр, – мы видели, как оно удалялось.

То же самое утверждали и все спасенные с «Вальдека». Как бы это ни казалось невероятным, однако действительно часто случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. Но пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. А что же сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят человеческий род!

Капитан Гуль мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал допрос:

– Откуда шел «Вальдек»?

– Из Мельбурна.

– Значит, вы не рабы?

– Нет, господин, – живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. – Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки.

– Друзья мои, – сказал капитан, – знайте, что на борту «Пилигрима», американского брига, никто не будет покушаться на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Здесь он получил свободу после отмены рабства. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной⁷, жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенном наклонении. Эти негры, как свободные граждане, покинули Америку и свободными же гражданами возвращались обратно.

Старик негр рассказал капитану Гулю, что его спутники и сам он поступили на плантацию некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то боль-

⁷ Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

шим кораблем. Негры спали. Их разбудил страшный толчок. Через несколько секунд они выбежали на палубу.

Мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку; но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего корабля, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами – на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компаний.

Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз вовремя подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь идет о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго – так звали собаку – был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии⁸. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы – «С» и «В», выгравированные на ошейнике, – вот все, что связывало собаку с ее прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы собак. Когда он вставал на задние лапы и вскиды-

⁸ Новая Голландия – старинное название Австралии.

вал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго не колеблясь нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый в упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла стать опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который ему оказал этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны и, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

Глава V «С» и «В»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Гуля. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Гуль первым долгом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в тяжелых условиях, были непривередливы. В хорошую погоду – а дни стояли жаркие и сухие – они вполне могли там оставаться на все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес рады были всякой работе. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне нечего делать. Зато, когда нужно было лечь на другой галс, старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишком, мог заменить собой лебедку.

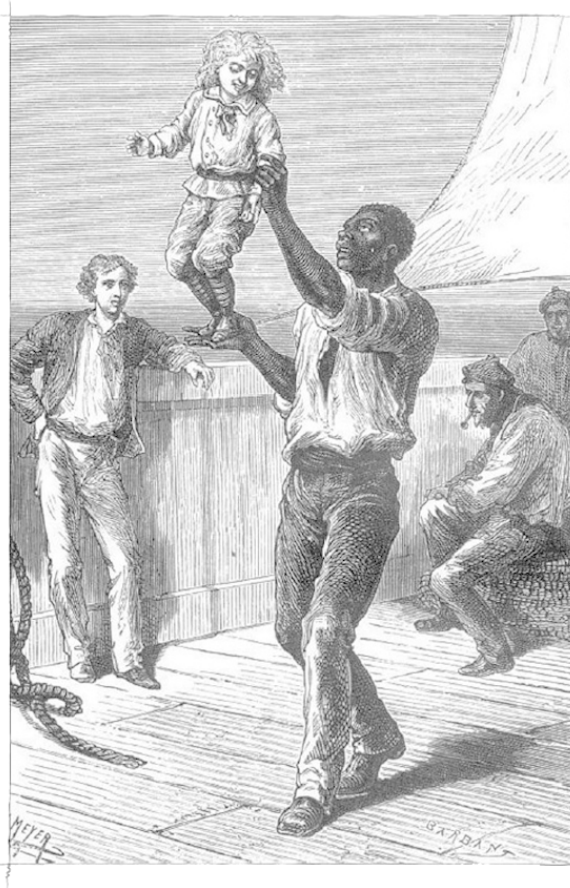
Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу. Джек визжал от восторга.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан

- Еще выше, Геркулес! – кричал он.
- Извольте, мистер Джек, – отвечал Геркулес.
- А тебе не тяжело?
- Да вы как перышко!
- Тогда подними меня высоко-высоко! Как можно выше!

И когда Геркулес, подставив свою широкую ладонь, предлагал Джеку стать на нее обеими ножками и, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Геркулес, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет

Таким образом, у маленького Джека уже стало два друга: Дик Сэнд и Геркулес. Вскоре он приобрел и третьего друга – Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Возможно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлось ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превращать пса в резвого скакуна, разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам привинчены колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга; худенький мальчуган был для него не более тяжелой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара на камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу – Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды – это было 6 февраля – она заговорила с капитаном Гулем о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

– Ручаюсь вам, – говорил он миссис Уэлдон, – что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он

усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

– К этому надо добавить, – сказала миссис Уэлдон, – что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, ни разу он не подал ни малейшего повода к недовольству им.

– Что и говорить! – подхватил капитан Гуль. – Славный малый этот Дик! Недаром все его так любят.

– Когда мы вернемся в Сан-Франциско, – продолжала миссис Уэлдон, – муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог впоследствии получить диплом капитана.

– И очень хорошо сделает мистер Уэлдон, – заметил капитан Гуль. – Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

– У бедного мальчика было тяжелое, сиротское детство. Он прошел трудную школу, – сказала миссис Уэлдон.

– Уроки ее не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбиться в люди, и сейчас он на правильном пути.

– Да, он будет человеком долга.

– Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, – продолжал капитан Гуль. – Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с фока. Он весь – сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, и в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

– Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, – заметила миссис Уэлдон.

– Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки с детства начали службу. Достаточно вспомнить Нельсона⁹, да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам в обшивке борта, – там, где вар облупился.

– Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? – спросила миссис Уэлдон.

– Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

– Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? – спросил капитан Гуль.

– Насекомых, сударь, насекомых! – сердито ответил кузен Бенедикт. – Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

– Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

– Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

– Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, – прервала его миссис Уэлдон. – Сердитесь не сердитесь на капитана Гуля, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Гуль рассмеялся.

– Миссис Уэлдон преувеличивает, – сказал он. – Однако, мне кажется, вы действительно потеряете напрасно время, если будете искать насекомых в каютах.

⁹ Горацио Нельсон (1758–1805) – флотоводец, вице-адмирал, имя которого стало символом военно-морской мощи Англии.

– Знаю, знаю! – досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. – Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

– Но в трюме, – продолжал капитан Гуль, – вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, интересуют!

– Разумеется, интересуют! Как могут не интересовать меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! – возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. – Как могут не интересовать меня эти близкие родственники *Periplaneta orientalis* и американского альбиноса, тараканы, обитающие...

– Грязнящие... – сказал капитан Гуль.

– Царящие на борту! – гордо поправил его кузен Бенедикт.

– Тараканье царство!

– О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

– Ни в какой мере!

– Послушайте, кузен Бенедикт, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – надеюсь, вы не потребуете, чтобы из любви к науке мы безропотно отдали себя на съедение тараканам?

– Я ничего не требую, кузина! – ответил пылкий энтомолог. – Единственно, чего я добиваюсь, – это украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

– Вы недовольны своими новозеландскими находками?

– Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть на несколько сот миль дальше.

В эту минуту Динго, который все время играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

– Поди прочь, поди прочь! – закричал тот, отталкивая собаку.

– О мистер Бенедикт! – воскликнул капитан Гуль. – Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

– Да еще таких хороших собачек! – сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

– Да... может быть... – проворчал кузен Бенедикт. – Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

– Как, кузен Бенедикт! – воскликнула миссис Уэлдон. – Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

– Нет, конечно, – вполне серьезно ответил ученый. – Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западно-африканском побережье!

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Уэлдон. – Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

– Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западно-африканской фауне...

– О небо! – воскликнула миссис Уэлдон.

– И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

– Слышишь, Динго? – сказал капитан Гуль. – Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

– Но я напрасно вычесал ему шерсть, – продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, – на нем не оказалось ни одной блохи!

– Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? – воскликнул капитан.

– Сударь, – сухо ответил кузен Бенедикт, – вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин¹⁰ никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных укусов. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

– Верно! – с поклоном ответил капитан Гуль.

– Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

– Ага! – произнес капитан Гуль.

– Да, сударь!

– А знаете ли вы, господин Бенедикт, – заметил капитан Гуль, – что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

– Другой?

– Да. Звали его дядюшка Тоби.

– Кто он? Энтомолог? – живо спросил кузен Бенедикт.

– О нет, стерновский дядюшка Тоби¹¹ не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

– Молодчина этот дядюшка Тоби! – воскликнул кузен Бенедикт. – Он умер?

– Полагаю, что да, – невозмутимо ответил капитан Гуль, – так как он никогда не существовал.

Все смеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойное, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны-брига, и «Пилигрим» почти не подвигался на восток. Капитан Гуль с нетерпением ждал, когда же судно достигнет, наконец, тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин в Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем – Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от вилохвостых насекомых.

Великан негр жил теперь, окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, шелконами, рогачами, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами, зерновками. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал от страха, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан ученик так внимательно слушал лекции, что профессор решил даже рискнуть ради него своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по азбуке, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их полу-

¹⁰ Джон Франклин (1786–1847) – английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

¹¹ Дядюшка Тоби – один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

чаются слова. Сначала мать сама складывала какое-нибудь слово, затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самостоятельно сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться играючи. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывал слова, то вновь перемешивал все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек полулежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не только заглавные и строчные буквы, но также и цифры, – таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему буквы. Работа нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу и завиляла хвостом. Затем схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На этом кубике была изображена заглавная буква «С».

– Динго, отдай! – крикнул мальчик, испугавшись, что собака проглотит кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек вскрикнул.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал о том, что произошло.

Динго различал буквы! Динго умел читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд пошел за кубиками, чтобы вернуть их Джеку. Динго встретил его рычанием.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. Он лег и, положив лапы на кубики, вызывающе смотрел на людей, ясно показывая, что никому не намерен их отдать. Другие буквы алфавита его не занимали и как будто и не существовали для него.

– Как странно! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Действительно, очень странно, – сказал капитан Гуль, пристально глядя на кубики.

– С, В, – прочитала миссис Уэлдон.

– С, В, – повторил капитан Гуль. – Те же буквы, что и на ошейнике Динго!

И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил:

– Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

– Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

– Капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

– Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

– И никто не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

– Никто, капитан. Ведь с собаками дело обстоит хуже, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, да и рассказать они ничего не могут.

Капитан Гуль умолк и задумался.

– Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? – спросила миссис Уэлдон, решившись, наконец, нарушить молчание.

– Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... А впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

– Какое?

– Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

– Не понимаю. Что вы хотите сказать?

– Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в Африку по инициативе Парижского географического общества, предпринимая попытку пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был быть мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

– Самюэль Вернон?! – повторила миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

– В самом деле, – сказала миссис Уэлдон. – А что случилось с путешественником?

– Он отправился в экспедицию, – ответил капитан Гуль, – и с тех пор от него не было известий.

– Ни одной весточки? – спросил Дик Сэнд.

– Ни одной, – сказал капитан.

– Какой же из всего этого вывод вы делаете? – спросила миссис Уэлдон.

– Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его взяли в плен туземцы.

– Значит, эта собака...

– Эта собака могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильное, Динго оказался счастливее своего хозяина: ему удалось вернуться назад к устью Конго, где его нашел капитан «Вальдека».

– А вы уверены, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

– Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, – ответил капитан Гуль. – Зато бесспорным фактом является то, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично знает их. Глядите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочесть буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было иначе истолковать.

– Разве Самюэль Вернон один предпринял такую трудную экспедицию? – спросил Дик Сэнд.

– Не знаю, – ответил капитан Гуль. – Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из каюты на палубу. Сначала никто не обратил внимания на его приход, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку, по-прежнему оберегавшую два кубика с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы

Негоро тотчас же ушел назад в каюту, но взгляд, который он бросил на собаку, и угрожающий жест, который вырвался у него, не предвещали Динго ничего хорошего.

– Здесь кроется какая-то тайна, – прошептал капитан Гуль, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

– И все-таки странно, мистер Гуль, – заметил Дик Сэнд. – Как же эта собака научилась различать буквы алфавита?

– И ничего тут нет странного! – заявил маленький Джек. – Мама часто рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

– Дорогой мой мальчик, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

– Как же он достиг этого, миссис Уэлдон? – спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

– Вот как, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу в ожидании, пока из публики назовут слово, которое ей надлежало сложить. Обязательным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

– Значит, в отсутствие хозяина... – начал юноша.

– ... собака ничего не могла сделать, – сказала миссис Уэлдон. – И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которая входила в заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, не уловимый ни для кого другого; слышала, как американец щелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом, Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим кубиком в определенном порядке.

– И в этом заключался весь секрет? – воскликнул Дик Сэнд.

– Да, секрет, как видишь, несложный, – ответила миссис Уэлдон. – Впрочем, и большинство других фокусов обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что и в отсутствие Самюэля Вернона, – если только он действительно был хозяином собаки, – Динго сумел распознать эти две буквы.

– В самом деле, – заметил капитан Гуль, – это достойно удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы – всегда одни и те же. В конце концов собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные к раздаче нищим, или та собака, которая поочередно с другой через день должна была вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, – быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но не в этом дело. Перед нами неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две – «С» и «В». Других букв он, по-видимому, не знает. Из этого можно сделать только один вывод, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

– Ах, капитан Гуль, – вздохнул Дик Сэнд, – если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему он точит зубы на нашего кока!

– Да еще какие зубы! – рассмеялся капитан Гуль, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

Глава VI

Кит на горизонте

Легко себе представить, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд. Молодой матрос инстинктивно не доверял Негоро, хотя поведение судового кока по-прежнему было безупречным. На баке, в помещении команды, тоже немало говорили о Динго, но пришли к друтому выводу: он был признан учнейшим псом, который не только читает, но, может быть, и пишет получше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только потому, что у него, очевидно, имеются веские основания хранить молчание.

– Вот увидите, – ораторствовал рулевой Болтон, – в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И мне придется ответить.

– Мало ли есть говорящих животных, – рассуждал другой матрос, – сороки, попугаи!.. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Кажется, клювом говорить труднее, чем пастью.

– Правильно, – подтвердил боцман Говик, – а все-таки говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы, узнав, что говорящие собаки существуют. У одного датского ученого была собака, которая отчетливо произносила слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение от настоящей осмысленной речи. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не больше, чем, скажем, попугаи, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова – это только разновидность пения или крика, – значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Гуль неоднократно повторял опыт: он раскладывал деревянные кубики перед собакой, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз вытаскивал два кубика с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы алфавита.

Несколько раз капитан этот опыт проделывал и при кузене Бенедикте. Но ученого занимали только насекомые, и поведение Динго несколько не заинтересовало его.

– Не следует думать, – сказал он однажды, – что только собаки одарены подобной сообразительностью. Есть немало и других умных животных. Но и они, так же как и собаки, лишь подчиняются инстинкту. Вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров – они предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои плотины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, трех коней, принадлежавших Никомеду, Скандербегу и Оппиену, – они умерли от горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему миру животных. Известны случаи, когда на диво обученные птицы писали без ошибки слова под диктовку своего учителя, когда попугаи считали, сколько гостей в комнате, с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгот и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь Символ веры¹² без запинки. Разве энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда видит, как простые насекомые дают доказательства высоко развитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «In

¹² *Символ Веры* – одна из главных христианских молитв или, точнее, – молитвословие, в котором содержатся все основные положения и догматы христианской веры.

minimis maximus Deus»¹³. Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов. Я бесконечно горжусь тем, что некоторые крохотные насекомые также обнаруживают развитой интеллект. Водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, строят воздушные колокола, блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт¹⁴. Нет, Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке – это не его заслуга: он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе *canis alphabeticus* – «собак-грамотеев», как видно, встречающихся в Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога нисколько не унизили Динго в общественном мнении, и на баке о нем по-прежнему говорили как о настоящем чуде.

Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен «постоять за себя», во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

Негоро теперь больше, чем когда-либо, избегал показываться на глаза Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля томительные штили, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, чередовались с порывами налетавшего встречного ветра. Но в этот день норд-ост заметно стих, и капитан Гуль стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-западном ветре, который позволил бы шхуне-бригу поднять все паруса. Из оклендского порта «Пилигрим» вышел всего девятнадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре отлично оснащенная шхуна-бриг могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Надо было ждать еще несколько дней.

По-прежнему океан простирался водной пустыней. Ни одно судно не заглядывало в эти широты. Мореплаватели покинули их. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь кораблем, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские пакетботы, как уже говорилось, совершали рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящим морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает людей, обладающих воображением и чувствующих поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль оставляет на поверхности воды легкий волнистый след; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, какое происшествие связано с этим обломком. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих молекул воды, то поднимающихся в дымке пара к облакам, то проливающимся дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как надо завидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам.

Всюду жизнь – и под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» наблюдали, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими

¹³ В самых малых – величайший бог (лат.).

¹⁴ Вест-Пойнт – военная школа в штате Нью-Йорк.

другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: юноша подстрелил на лету несколько птиц.

Над водой кружили буревестники – одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако, как отметил капитан Гуль, обрубки крыльев служат пингвинам настоящими плавниками, в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов. Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов шириной. Они спускались на воду и клювом искали себе в ней пищу.

Эти непрестанно сменяющиеся картины представляют собой увлекательное зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря внезапно стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле.

Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, она сказала ему:

– Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Откуда эта окраска? Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил юноша, – эту окраску воде придают мириады крохотных ракообразных, которые служат обычно пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки метко прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

– Рачки! – сказала миссис Уэлдон. – Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою коллекцию.

И миссис Уэлдон громко позвала:

– Кузен Бенедикт! Идите сюда.

Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Гулем.

– Поглядите, кузен Бенедикт! Видите огромное красное пятно на море? – спросила миссис Уэлдон.

– Ага! – воскликнул капитан Гуль. – Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

– Ерунда! – сказал энтомолог.

– Как «ерунда»?! – вскричал капитан. – Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рачки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

– Ерунда! – повторил кузен Бенедикт, замотав головой.

– Однако! Такое равнодушие у энтомолога...

– Не забывайте, капитан Гуль, – прервал его кузен Бенедикт, – что я изучаю насекомых, в особенности шестиногих.

– Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру! Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

– Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? – спросил Джек.

– Что ж тут удивительного, дружок? – ответил капитан Гуль. – Ведь готовят вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова, – ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и он закрывает рот. Тогда роговые пластинки, – так называемый «китовый ус», – которые щеткой свисают с его неба, выполняют

роль рыбачьих сетей. Ничто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

– Ты понимаешь, Джек, – добавил Дик Сэнд, – что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

– В то время как огромный обжора лакомится своей «похлебкой», – сказал капитан Гуль, – кораблю легче подойти к нему, не возбуждая у кита тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы в подтверждение слов капитана Гуля, вахтенный матрос крикнул:

– Кит на горизонте – впереди по левому борту!

Капитан Гуль выпрямился во весь рост.

– Кит! – воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях, под ветром, в одном месте море как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее. Но расстояние еще было слишком велико, чтобы можно было определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из видов настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобой северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмидесяти футов, но средняя их длина не больше шестидесяти футов. От одного такого чудовища можно получить до ста бочек ворвани.

А может, это полосатик, принадлежащий к породе спиноперых китов, – одно уже это название должно, как-никак, внушать уважение энтомологу. У полосатиков – похожие на крылья спинные белые плавники длиной в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием полосатика-горбача, у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было решить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным.

Капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за млекопитающим.

Если часовщик, глядя на стенные часы в чужой комнате, испытывает непреодолимую потребность их завести, то какое страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита? Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Если охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь, то что же должны ощущать ловцы слонов и китобой?

Экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом!..

Капитан Гуль пристально всматривался в даль. Кита еще трудно было рассмотреть на таком расстоянии, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различимые даже издали: по фонтанам, вырывавшимся из водометных отверстий кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

– Это не настоящий кит! – воскликнул капитан Гуль. – У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. И несомненно это не горбач! Когда фонтан вылетает с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно с уверенностью сказать, что имеешь дело с горбачом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты скажешь об этом, Дик? – спросил капитан Гуль, обернувшись к юноше.

– Мне кажется, капитан, что это полосатик, – ответил Дик Сэнд. – Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И как будто водяных струй в них больше, чем пара. Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам?

– Правильно, Дик! – ответил капитан Гуль. – Сомневаться уж не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

– Как красиво! – воскликнул маленький Джек.

– Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобой!

– Мне думается, – скромно заметил Дик, – что это очень крупный экземпляр полосатика.

– Несомненно! – ответил капитан Гуль, у которого сверкали глаза от волнения. – Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

– Здорово! – воскликнул боцман. – Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда полностью нагрузили бы все трюмы нашего корабля.

– Да, полдюжины вполне было бы достаточно, – со вздохом сказал капитан Гуль.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

– У нас пустуют двести бочек. Вот если поймать этого кита, – прибавил боцман, – сразу заполнили бы ворванью не меньше сотни бочек...

– Да... Не меньше сотни! – шептал капитан Гуль.

– Это правда, – подтвердил Дик Сэнд, – но напасть на такого огромного полосатика – дело далеко не легкое.

– Верно. Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо приближаться очень осторожно. Самая крепкая шляпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

– Большой полосатик – большая добыча! – сказал один из матросов.

– И выгодная! – добавил другой.

– Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! – заключил третий.

Всей команде страстно хотелось поохотиться. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко, рукой подать! Казалось, стоило только подставить бочки – и ворвань польется в них широкой струей. Немного усилий – и трюм «Пилигрима» будет заполнен.

Взобравшись на ванты фок-мачты, матросы жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства.

Капитан Гуль умолк и грыз от досады ногти.

Словно мощный магнит, полосатик притягивал к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

– Мама! Мама! – воскликнул вдруг маленький Джек. – Я хочу посмотреть, как устроен кит!

– Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такого удовольствия? Не правда ли, друзья? – обратился капитан Гуль к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. – Людей у нас маловато... Ну да как-нибудь справимся...

– Справимся, справимся! – в один голос закричали матросы.

– Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, – продолжал капитан Гуль. – Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

– Ура, ура, ура! – закричали матросы.

– Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такого удовольствия?

Глава VII

Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля – искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Миссис Уэлдон задала капитану Гулю вопрос: не опасна ли в таких условиях для команды и для него самого охота на кита.

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил капитан Гуль. – Опасности нет никакой. С одной шлюпкой мне не раз приходилось охотиться на китов, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, никакая опасность не грозит нам, а следовательно, и вам.

Миссис Уэлдон успокоилась и прекратила расспросы.

Капитан Гуль тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления к охоте на полосатика. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности.

На «Пилигриме» была шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, затем три китобойные шлюпки: одна была подвешена с левого, другая с правого борта, а третья – на корме, за гакабортом.

Обычно эти три китобойные лодки шли все разом в погоню за китами.

Но капитан Гуль мог выслать против полосатика только одну шлюпку. Как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту только пять матросов, то есть столько, сколько нужно для обслуживания одной шлюпки. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Гуль должен был отказаться: управление шлюпкой во время охоты на кита под силу только опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают шлюпке гибелью.

С другой стороны, капитан Гуль не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

Но так как на китобойной шлюпке нужны сильные люди, капитану Гулю волей-неволей пришлось поручить судно Дику Сэнду.

– Дик, – сказал он, – оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

– Есть, капитан! – ответил юноша.

Дику Сэнду самому хотелось принять участие в охоте, но он понимал, что на шлюпке больше пользы принесет опытный китобой, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Гуля на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Говик станет у кормового весла, заменяющего руль обычного типа. Руль не позволяет мгновенно выполнить маневры. Если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести шлюпку из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Гуль займет место гарпунщика – ему не впервой была эта работа. Он должен был бросить гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, закрепленной на конце гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка, она стреляет разрывными

пулями, которые кромсают тело кита, или же при помощи ее выбрасывают гарпун, к концу которого привязана веревка. Но на «Пилигриме» не было таких приспособлений. Кстати сказать, моряки не очень любят новшества, предпочитая этим дорогим и трудным для управления приборам простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно. И капитан Гуль тоже пускался на охоту, снабженный только обычным холодным оружием китобоев.

Полосатик находился милях в пяти от «Пилигрима».

Погода как будто благоприятствовала охоте. Море было спокойно – значит, шлюпке легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет охотиться.

Штирбортную шлюпку спустили на воду, и четверо матросов заняли в ней места.

Боцман Говик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт гибкого и прочного троса, по шестьсот футов в каждой бухте. Когда одна бухта разматается, матросы подвязывают к концу троса вторую, третью и т. д. Но иногда и трех тысяч футов троса оказывается недостаточно, – так глубоко ныряет кит.

Гарпуны, копья и трос – все снаряжение для китобоев было уложено в порядке на носу лодки. Заняв свои места, Говик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы. Теперь осталось только одно свободное место на носу шлюпки, его должен был занять капитан Гуль.

Перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были обрасоплены так, что паруса оказывали взаимное противодействие и судно оставалось на месте почти неподвижно.

Перед тем как сесть в шлюпку, капитан Гуль бросил последний взгляд на шхуну. Паруса были надежно закреплены, снасти хорошо вытянуты. Дику Сэнду предстояло остаться одному на судне, быть может, в продолжение многих часов. Капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только не потребуют этого особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан подозвал к себе юношу и сказал ему:

– Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти нам навстречу, если мы уплывем слишком далеко, тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, что они отлично справятся с работой.

– Капитан Гуль, – сказал старый Том. – Мистер Дик может рассчитывать на нас.

– Приказывайте, приказывайте! – воскликнул Бат. – Мы покажем, как мы умеем работать!

– Что тянуть? – спросил Геркулес, засучивая рукава.

– Пока что ничего, – улыбаясь, ответил юноша.

– Я готов! – сказал гигант.

– Погода сегодня отличная, – продолжал капитан Гуль, – да и ветер, надо полагать, не посвежеет. Но, что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

– Есть, капитан!

– Если, преследуя кита, мы уйдем далеко в сторону и нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

– Будьте покойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, – ответил Дик Сэнд.

– Отлично, голубчик, – сказал капитан Гуль. – Побольше хладнокровия и храбрости! Помни, ты теперь помощник капитана. Смотри, Дик, не посрами своего звания. Никому еще не случалось носить его в твоём возрасте.

Дик не ответил, только улыбнулся и покраснел. Капитан Гуль понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! – подумал он. – Скромность и доброта – в этих двух словах весь характер Дика!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Гуль неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но все-таки сильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства, взятые на себя Джемсом Уэлдоном в Вальпараисо, – все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию.

Спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед искушением. К тому же китобойная экспедиция будет, наконец, окончена, – и это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к штурмтрапу, спущенному в шлюпку.

– Счастливой охоты! – напутствовала его миссис Уэлдон.

– Спасибо!

– Пожалуйста, капитан Гуль, не бейте больно этого бедного кита! – крикнул маленький Джек.

– Постараюсь, мой мальчик! – ответил капитан Гуль.

– Поймайте его тихонько!..

– Да... да... Я надену перчатки!

– Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! – заметил кузен Бенедикт.

– Что ж, господин Бенедикт, – смеясь, ответил капитан Гуль, – никто не помешает и вам «поохотиться», когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»!

И, повернувшись к Тому, он добавил:

– Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу... когда мы притащим кита к кораблю... Мы с ним живо управимся.

– К вашим услугам, господин капитан! – ответил старик негр.

– Спасибо! – сказал капитан Гуль. – Дик, эти славные люди помогут тебе выкатить на палубу пустые бочки, пока мы будем охотиться. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро.

– Есть, капитан! Будет сделано!

Людям несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны были взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем эти полосы разделить поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты маневрирует так, чтобы скорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к выплавке жира; растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань¹⁵.

Но теперь капитан Гуль не мог бы после охоты повернуть обратно к суше, чтобы закончить эту операцию. Он рассчитывал «выплавить» дополнительно добытый жир только в Вальпараисо. Ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пилигрима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три – за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пилигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик по-прежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

¹⁵ При перетапливании китовый жир теряет около трети своего веса.

Полосатик все плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

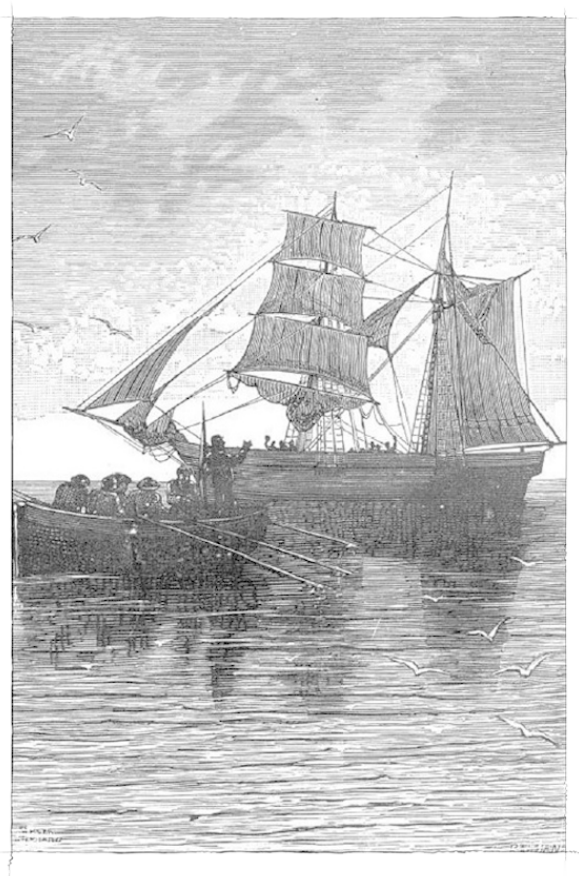
По мнению опытных китобоев, следивших за ним, нечего было опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Гуль перелез через борт и по штормтрапу спустился на нос шлюпки.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем пассажиры «Пилигрима» перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности увлекательной охоты.

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали ее вдаль от «Пилигрима»

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали ее вдаль от «Пилигрима».

- Дик, следи за всем, следи хорошенько! – в последний раз крикнул капитан Гуль юноше.
- Положитесь на меня, капитан.
- Следи, дружок, одним глазом за судном, а другим – за шлюпкой. Не забывай этого!
- Будет сделано, капитан, – ответил Дик и, подойдя к румпелю, встал возле него.

Легкое суденышко было уже на расстоянии в несколько сот футов от «Пилигрима». Капитан Гуль стоял на носу. Он еще что-то говорил, но уже голоса его не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходивший от борта, жалобно завыл. Протяжный вой собаки обычно производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию. Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

– Молчи, Динго! – сказала она. – Стыдись! Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго молчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и лизнул ей руку.

– Динго не машет хвостом, – прошептал Том. – Плохой знак!.. Плохой знак!

Вдруг Динго, охваченный сильнейшей и совершенно необъяснимой яростью, ощерился и зарычал. Миссис Уэлдон обернулась. Негоро вышел из своей каюты. Видно, его заинтересовала предстоящая охота и он намеревался посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

– Динго, назад! – крикнул Дик Сэнд.

Покинув на мгновение свой наблюдательный пост, юноша бросился на бак. Миссис Уэлдон, со своей стороны, старалась успокоить собаку. Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к юноше.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

– Геркулес! – сказал Дик Сэнд. – Я поручаю вам следить за этим человеком.

– Буду следить, – просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к шлюпке, быстро удалявшейся от судна.

Теперь она казалась уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

Глава VIII

Полосатик

Опытный китобой, капитан Гуль не полагался на счастливый случай. Охота на полосатика – дело трудное, тут никакие меры предосторожности не будут лишними. И капитан Гуль не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны и так, чтобы шум не выдал приближения охотников.

Говик повел шлюпку в обход границ красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом, охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Гуль знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

– Внимание, Говик! – сказал капитан Гуль. – Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, откуда можно уже бросить гарпун.

– Есть, капитан! – ответил боцман. – Если идти по краю красного поля, ветер все время будет в нашу сторону.

– Хорошо! – сказал капитан.

И, обращаясь к матросам, он добавил:

– Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

Весла, предусмотрительно обмотанные кожей, не скрипели в уключинах и бесшумно погружались в воду.

Искусно направляемая боцманом шлюпка подошла вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта погружались еще в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого борта уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

– Вино и вода, – заметил один из матросов.

– Да, – ответил капитан Гуль, – но эта вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла!

Шлюпка скользила по воде точно по слою масла – совершенно бесшумно. Полосатик не шевелился и как будто не замечал шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, шлюпка, разумеется, удалялась от «Пилигрима»; корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются в размерах, и это всегда производит странное впечатление, словно смотришь в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет.

Так было и с «Пилигримом» – он уменьшался на глазах с каждой минутой, и людям в шлюпке казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отчалила от корабля, она находилась как раз под ветром от кита, занимавшего теперь положение между шлюпкой и «Пилигримом». Настала пора подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

– Медленнее, ребята! – тихо скомандовал гребцам капитан Гуль.

– Кажется, наша рыбка что-то учуяла, – сказал Говик. – Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

– Тише! Тише! – повторил капитан Гуль.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман Говик, стоя во весь рост на корме, направил шлюпку так, чтоб подойти к левому боку кита, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного удара его было достаточно, чтоб сокрушить шлюпку.

Капитан Гуль стоял на носу шлюпки, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно должно было крепко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды.

Рядом с капитаном в бадье лежала первая из пяти бухт каната, прочно привязанная к тупому концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукою, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

– Готовься! – прошептал капитан Гуль.

– Есть! – ответил Говик, крепче сжав рулевое весло.

– Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поравнялась с полосатиком. Едва ли разделяло их расстояние в десять футов.

Животное не шевелилось. Казалось, оно спало. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотника. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Какая неподвижность! Что-то странно! – подумал капитан Гуль. – Вряд ли эта бестия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Говика, который старался рассмотреть другой бок кита, но это ему никак не удавалось.

Однако времени для размышлений не было: пришла пора действовать.

Ухватив гарпун посредине древка, капитан Гуль несколько раз взмахнул им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой бросил его в полосатика.

– Назад, назад! – крикнул он тотчас же. Матросы, дружно навалившись на весла, рванули шлюпку назад, чтобы вывести ее из-под ударов хвоста раненого кита.

В эту минуту возглас боцмана объяснил всем причину загадочного поведения полосатика, его длительную неподвижность.

– Детеныш! – воскликнул Говик.

Раненая самка, судорожно метнувшись, почти перевернулась на бок, и тогда моряки тоже увидели ее детеныша. Гарпун застиг их во время кормления.

Капитан Гуль знал: присутствие детеныша делает охоту опасной. Самка, несомненно, станет защищаться с удвоенной яростью, спасая не только себя, но и своего «малыша», если только так можно назвать животное длиною в двадцать футов.

Однако, вопреки опасениям капитана Гуля, полосатик не набросился сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну канат, чтобы бежать от разъяренного животного.

Напротив, как это часто бывает, кит нырнул и, описав в воде дугу, мощным рывком поднялся на поверхность и с невероятной быстротой поплыл. Детеныш последовал за маткой.

Капитан Гуль и боцман Говик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и, следовательно, оценить его по достоинству. Полосатик оказался могучим животным длиною не меньше восьмидесяти футов. Желтовато-коричневая кожа его была испещрена множеством темно-коричневых пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи. Началось преследование. Шлюпка с поднятыми веслами стрелой неслась по волнам. Говик невозмутимо направлял ее следом за китом, несмотря на то что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Гуль, не спускавший глаз со своей добычи, неустанно повторял:

– Внимание, Говик! Внимание!

Но и без этого предупреждения боцман был настороже.

Шлюпка шла медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что капитан Гуль опасался, как бы канат не загорелся от трения о борт лодки. Он поспешил поэтому наполнить морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего бега. Капитан Гуль подвязал вторую бухту. Но и ее хватило ненадолго. Через пять минут пришлось подвязать третью, которая тоже скоро размоталась под водой.

Полосатик стремглав несясь вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для его жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается выйти на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

– Черт возьми! – воскликнул капитан Гуль. – Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

– И оттащит нас далеко от «Пилигрима», – добавил боцман Говик.

– А все-таки киту придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, – заметил капитан Гуль. – Ведь кит – не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

– Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, – смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой. К третьей бухте вскоре пришлось привязать четвертую.

Матросы, уже подсчитавшие в уме свою долю барыша от поимки кита, приуныли.

– Вот проклятая тварь! – бормотал капитан Гуль. – Ничего подобного я не видел в своей жизни.

Наконец, и пятая бухта была пущена в дело. Она размоталась почти наполовину, и вдруг натяжение каната ослабло.

– Ура! – воскликнул капитан Гуль. – Канат провисает – значит, полосатик устал!

В эту минуту шлюпка находилась в пяти милях от «Пилигрима».

Капитан Гуль, подняв вымпел на конце багра, дал кораблю сигнал приблизиться.

Через мгновение он увидел, как на «Пилигриме» брасопили реи, наполняя паруса. Этот маневр Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей проделал четко и быстро.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро спадал. При этих условиях «Пилигриму» трудно было настигнуть шлюпку.

Тем временем, как и предвидел капитан Гуль, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун по-прежнему торчал у него в боку. Раненое животное некоторое время неподвижно лежало на воде, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этого бешеного бега.

Капитан Гуль приказал гребцам налечь на весла, и скоро шлюпка снова очутилась вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и, так же как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Говик насторожился. Минута была опасная: кит мог броситься на них, и нужно было держаться начеку, чтобы тотчас же отвести шлюпку на безопасное расстояние.

– Внимание! – крикнул капитан Гуль. – Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха! Ты готов, Говик?

– Я-то готов, капитан, – ответил боцман, – но меня смущает, что после такого бешеного бега наш полосатик вдруг затих!

– Мне это тоже кажется подозрительным.

– Надо поостеречься!

– Да. Однако не бросать же охоту! Вперед!

Капитан Гуль пришел в возбуждение.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостовым плавником и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирался бежать? Неужели придется возобновить это бесконечное преследование?

– Берегись! – крикнул капитан Гуль. – Полосатик сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Поворачивай, Говик! Поворачивай!

И действительно, полосатик повернулся головой к шлюпке. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул шлюпку в сторону, и кит с разбегу проплыл мимо, не задев ее. Капитан Гуль и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копыя в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь важный для жизни орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на шлюпку. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта. Но Говик опять успел отвести шлюпку в сторону и уклониться от удара.

Снова в тот миг, когда полосатик проносился мимо шлюпки, ему нанесли три глубокие раны. Кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная волна, как будто внезапно налетел шквал. Шлюпка чуть не перевернулась. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила шлюпку.

– Ведра! Ведра! – крикнул капитан Гуль.

Матросы бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Гуль обрубил канат, теперь уже бесполезный, – обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь напал сам, его агония становилась страшной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке. Но отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность: оно не могло ни отступить, ни увернуться от нападения. Как ему теперь избежать грозящего удара? Уже нельзя было управлять им и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку.

Надо было прекратить нападение и подумать о самозащите. Капитан Гуль хорошо это понимал.

При третьей атаке Говику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел шлюпку своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Говик опрокинулся на спину.

От того же толчка неверным стал прицел трех копий: на этот раз они не попали в цель.

– Говик! Говик! – крикнул капитан Гуль, который сам едва удержался на ногах.

– Здесь, капитан! – ответил боцман и, поднявшись, встал на свое место.

Но тут он увидел, что кормовое весло переломилось посередине. Он молча показал обломок капитану Гулю.

– Бери другое!

– Есть! – ответил Говик.

В эту минуту вода неподалеку от шлюпки словно закипела. В нескольких саженях показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

С этой минуты полосатик должен был сражаться за двоих. Борьба становилась еще более ожесточенной.

Капитан Гуль бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал вымпелом, поднятым на конце багра.

Но Дик Сэнд уже по первому сигналу капитана сделал все, что мог. Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, шхуна-бриг ничем больше не могла ускорить своего хода, на ней не было винтового двигателя. Что оставалось делать Дику? Спустить на воду еще одну шлюпку и спешить с неграми на помощь капитану? Но гребной шлюпке понадобилось бы немало времени, чтобы одолеть такое расстояние, да и сам капитан запретил юноше покидать корабль, что бы ни случилось.

Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за судном на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли ею воспользоваться, если понадобится.

В это время, прикрывая своим телом детеныша, полосатик опять стремительно понесся прямо на охотников.

– Берегись, Говик! – в последний раз крикнул капитан Гуль.

Но рулевой теперь был безоружен. Вместо длинного кормового весла, которым можно было пользоваться как рычагом, у Говика было гребное, довольно короткое, весло.

Он попытался повернуть шлюпку.

Это было невозможно.

Матросы поняли, что они погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, ужасный крик этот донесся до «Пилигрима».

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Расколовшись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

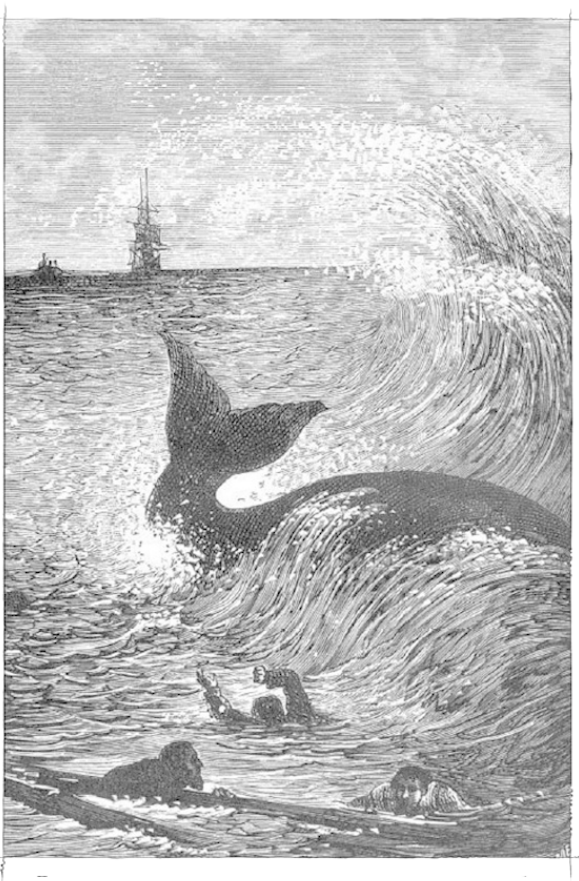
Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности. С «Пилигрима» видно было, как капитан Гуль помогал боцману Говику уцепиться за обломок шлюпки... Но кит в предсмертных судорогах яростно заколотил хвостом по воде.

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме бешено крутившегося водяного смерча, брызг и пены. Дик Сэнд бросился с неграми в шлюпку, но когда они достигли места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

Глава IX

Капитан Сэнд

Скорбь и ужас – вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде ужасной катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Быть свидетелями страшного бедствия, бессильными помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей, и, подняв их на борт, защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъяренного кита.

Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей, и защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъяренного кита

Когда «Пилигрим» подплыл, наконец, к месту катастрофы, ничто уже не могло вернуть к жизни капитана Гуля и пятерых матросов, – океан поглотил их...

Миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

– Помолимся! – сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нан, Том и остальные негры стояли, склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к богу, прося его беспредельного милосердия для тех, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

– А теперь, друзья мои, попросим у Всевышнего силы и мужества для нас самих!

Ведь им так нужна была помощь Всемогущего, ибо положение их было очень тяжелое.

Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, корабль, лишившийся капитана и матросов, должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»?

Какой злой рок побудил капитана Гуля, обычно такого осторожного и благоразумного, пуститься на охоту ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удается спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Гуля и его сотоварищей была страшным бедствием! На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры – мать с малым ребенком, их присутствие еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил как отца.

Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын были бы в безопасности и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко, занятые промыслом.

Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

Негоро с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Никто не мог сказать, какое впечатление произвело на него непоправимое несчастье. Если бы в такую минуту кому-нибудь пришла мысль понаблюдать за ним, то всякого бы поразило равнодушное выражение его лица, на котором ни один мускул не дрогнул. Он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от юноши.

– Вы хотите поговорить со мной? – спросил Дик Сэнд.

– Нет, – холодно ответил кок. – Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

– Вы же знаете, что они погибли! – воскликнул Дик.

– Кто же теперь командир судна? – нагло спросил Негоро.

– Я! – не колеблясь ответил Дик Сэнд.

– Вы?! – Негоро пожал плечами. – Пятнадцатилетний капитан!

– Да, пятнадцатилетний капитан! – ответил Дик, наступая на него.
Негоро попятился.

– На «Пилигриме» есть капитан, – сказала миссис Уэлдон. – Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотав под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился на свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном – прибором, при помощи которого капитан Гуль ежедневно измерял высоту светил, а по ней определял широту судна. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он высчитывал бы долготу по часовому углу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками – звезды, ежедневно докладывали бы ему о пройденном расстоянии. По астрономическим наблюдениям он мог бы ежедневно, как это делал капитан Гуль, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс судна и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага с поправками, вызванными дрейфом.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

– Спасибо, Дик! – сказала она недрогнувшим голосом. – Капитана Гуля больше нет на свете, весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь корабль и всех нас!

– Да, миссис Уэлдон, – ответил Дик, – я постараюсь это сделать с помощью Божьей.

– Том и его товарищи – славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

– Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. Если же погода испортится... Ну что ж, мы преодолеем и дурную погоду, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека и всех остальных! Я чувствую себя в силах это сделать! – И он повторил: – С Божьей помощью.

– Ты знаешь, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? – спросила миссис Уэлдон.

– Это легко узнать, – ответил Дик. – Достаточно взглянуть на карту: капитан Гуль вчера нанес на нее нашу точку.

– А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

– Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

– Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт – вот куда ты должен вести судно!

– Конечно, миссис Уэлдон, – ответил Дик. – Но тревожьтесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

– В какой стороне он находится? – спросила миссис Уэлдон.

– Вон там... – сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

– Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придет ли судно в Вальпараисо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель – добраться до суши!

– И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! – уверенно ответил юноша. – Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса – от грота до кливера, в полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения.

Дик уже собирался созвать своих спутников, чтобы поставить паруса и стать самому за штурвал, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это была первоочередная задача. Дик сбегал в каюту капитана Гуля и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог показать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35' южной широты и 164°13' западной долготы – за истекшие сутки он почти не двинулся с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневое пятно, изображавшее землю, по правую сторону океана. Это был материк Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического.

При взгляде на разостланную карту, где умещался не только южноамериканский континент, но и весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами

Между тем, если бы «Пилигрим» был изображен на этом листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, оказалась бы такой же одинокой и затерянной на карте, каким был и «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

Дик был иного мнения, чем миссис Уэлдон. Он знал, что земля далеко, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность за судьбы людей преобразила Дика во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться попутным северо-западным ветром, который с каждым часом становился все свежее. Перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что ветер не скоро спадет.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

– Друзья мои, – сказал он, – на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Если вы не пожалеете труда, мы сумеем управлять «Пилигримом». От этого зависит наше спасение.

– Капитан Дик, – ответил Том, – мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас нет недостатка. Все, что могут сделать пять человек под вашим командованием, мы сделаем!

– Отлично сказано, старина Том! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Однако мы должны соблюдать величайшую осторожность, – сказал Дик Сэнд. – Я не пойду ни на какой риск и зря не стану поднимать всех парусов. Пусть мы проиграем немного в

скорости, зато выиграем в безопасности. Такое решение диктуют нам обстоятельства. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности. Сам я буду стоять у штурвала сколько хватит сил. Время от времени я позволю себе поспать часок-другой. Но, как ни короток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Хотите, Том, я обучу вас? Не так уж трудно вести корабль по компасу. При желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

– Я готов, капитан Дик, – ответил старый негр.

– Хорошо, – сказал юноша. – Постойте до вечера со мной у штурвала, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на короткое время.

– А я? – спросил маленький Джек. – Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

– Разумеется, дорогой мальчик! – ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. – И тебя тоже научат управлять судном. Я уверена, что когда ты будешь стоять у штурвала, уж обязательно ветер будет попутный.

– Конечно, мама, конечно! – воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. – Я тебе это обещаю!

– Да, – улыбаясь, сказал Дик, – старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер.

И, обращаясь к Тому и остальным неграм, Дик добавил:

– За дело, друзья! Пошли брасовать реи в полный бакштаг. Я покажу, что делать, а вы в точности выполняйте мои указания.

– Приказывайте, капитан Сэнд, – сказал Том, – мы готовы!

Глава X

Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени, он решил поднять все паруса.

У пассажиров было только одно желание: поскорее добраться до Вальпараисо или до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу; прибор был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных, новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но существовал один неустранимый источник ошибок в счислении – это океанские течения.

Лог и компас не учитывают скорости и направления течения. Только астрономические наблюдения позволяют определить точное место судна в открытом море. Но, к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Поэтому легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменял направление почти на 180°; теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На шхуне-бриге фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок – на мачте, выше – марсель на стеньге, затем на брам-стенге брамсель и бом-брамсель.

Грот-мачта несет меньше парусов: только косой грот, а над ним – топсель.

Между этими двумя мачтами на штагах, которые крепят грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, на бушприте – наклонной мачте, торчащей впереди носа, – поднимают три кливера: наружный, внутренний и бом-кливер.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель легко ставить и убирать прямо с палубы, не поднимаясь на реи. Но постановка парусов на фок-мачте требует морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стенгу или бом-брам-стенгу. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поднять или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, представленную парусом ветру, – «взять рифы», как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь лазать по пергам – канатам, свободно подвязанным под реями, и работать одной рукой, держась другой за канат. Маневр этот опасен, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв мало-мальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт.

Итак, Тому и его товарищам предстояла опасная работа.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На море не успело еще подняться волнение, и качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Гуля, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты косой грот, кливер, фок и марсель. Чтобы сняться с дрейфа, нужно было перебрасовать все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре. А чтобы идти в полный бакштаг, теперь достаточно было поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

– Друзья мои, – сказал молодой капитан своим помощникам, – исполняйте в точности все мои приказания, и дело у нас пойдет замечательно.

Стоя у штурвала, Дик Сэнд командовал;

– Том, травите шкот!

– Травить?

Том недоуменно взялся за трос, не зная, что с ним делать.

– Ну да, травите! Это значит – ослабить шкот! И вы, Бат, делайте то же самое! Так, хорошо! Теперь вытягивайте. Вытягивайте же, Бат!

– Вот так?

– Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере неосторожно: великан рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

– Не так сильно! – закричал Дик Сэнд улыбаясь. – Этак вы вырвете мачту из гнезда!

– Да ведь я только чуть-чуть потянул, – оправдывался Геркулес.

– Это называется «чуть-чуть»?.. Вот что, Геркулес: вы уж лучше только делайте вид, что тянете. Этого будет достаточно. Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. Не понимают! Ах, да привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте брасы!..

И все паруса фокса, у которого с левой стороны брасы были ослаблены, медленно повернулись.

Ветер наполнил их, и судно рванулось вперед.

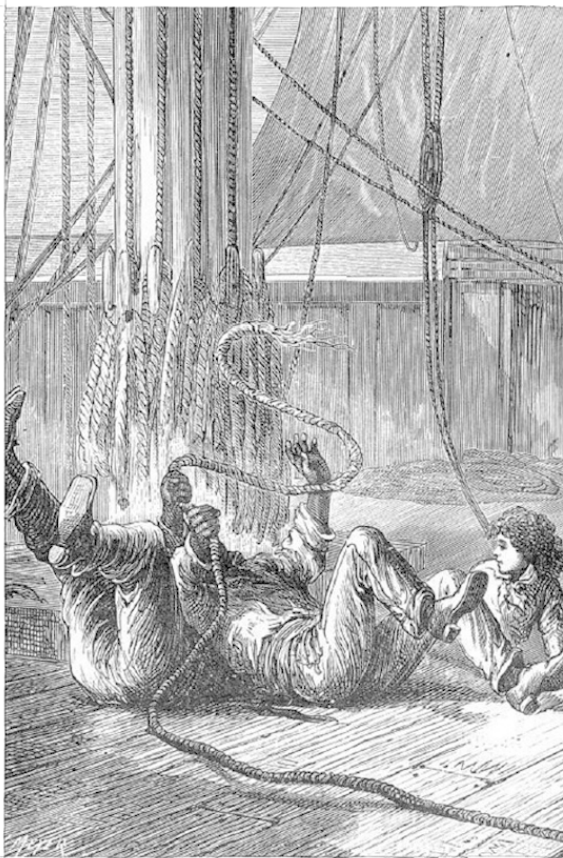
Затем Дик велел ослабить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

– Отлично работали, друзья мои! – похвалил Дик Сэнд матросов. – А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

– Постараюсь, – кротко ответил великан, не решаясь дать твердое обязательство.

Второй маневр дался матросам уже легче. Косой грот был поставлен под нужным углом, он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над косым гротом подняли топсель, и, так как он был просто взят на гитовы, достаточно было подобрать фал, выбрать галс, а затем закрепить их. Но Геркулес, его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбирали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью не причинив себе ни малейшего вреда

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью не причинив себе ни малейшего вреда. Мальчик был в восторге.

– Ничего, ничего! – крикнул молодой капитан. – Свяжите концы фала и тяните, только послабее!

Наконец паруса были закреплены надлежащим образом, и Дику Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток, и оставалось следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный и судно не рыскало.

– Отлично, друзья мои, – сказал Дик Сэнд. – Скоро вы станете настоящими моряками.

– Постараемся, капитан Сэнд, – ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов. Немало похвал заслужил и маленький Джек: ведь он трудился не покладая рук.

– Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал, – улыбаясь, сказал Геркулес. – Ты такой сильный! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

Мальчик покраснел от удовольствия и крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и эти паруса.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на реи. Не желая подвергать риску свою неопытную команду, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он передал Тому штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Бата, Актеона и Остина у горденей брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту.

Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, достигнуть марса, добраться до рея – для Дика было сушей игрой. Подвижный и ловкий юноша мигом побежал по портам брам-реи и отдал сезни, стягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей и быстро распустил парус. Покончив с этим делом, Дик Сэнд соскользнул по одному из фордунов правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам ниже лежащих реев, и прочно закрепили шкоты.

Затем были подняты стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес старался не тянуть снасти изо всех сил и ничего не разорвал на этот раз.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах.

Дик мог поставить еще лисели, но при таких условиях их было трудно ставить, еще труднее было бы быстро убрать их в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

– Вот мы и на правильном пути, миссис Уэлдон, – сказал Дик Сэнд. – Только бы, дай бог, удержался попутный ветер!

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. И вдруг она почувствовала сильную усталость от всех пережитых за последние часы волнений, ушла в свою каюту и задремала. Это было какое-то тяжелое забытие, а не сон.

Новая команда шхуны-брига осталась на палубе. Негры-матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переменить положение парусов. Но, пока сила и направление ветра не изменились, команде нечего было делать.

Однако чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы членистоногое насекомое, которое ему, наконец, удалось разыскать на борту «Пилигрима». Это было простое прямокрылое; головка его исчезала под выступающим краем переднегрудия, усики были длинные, а кожистые передние крылья превратились в надкрылья. Насекомое это принадлежало к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку на камбузе, – он подоспел как раз вовремя: Негоро только что занес ногу, чтобы безжалостно раздавить драгоценное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Заметим, впрочем, что гнев кузена Бенедикта не произвел никакого впечатления на кока.

Знал ли кузен Бенедикт, какие события разыгрались после того, как капитан Гуль и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитой шлюпки. Следовательно, экипаж шхуны-брига погиб на его глазах.

Предположить, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он скорбел также о том, что кузина его оказалась в тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря: «Не бойтесь! Разве я не с вами? При мне вам не грозит ничто!»

Затем он вернулся в свою каюту. Вероятно, он намеревался хорошенько обдумать, какие могут быть последствия этого прискорбного события, и наметить план решительных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и таракан целиком поглотил его внимание. Ведь кузен Бенедикт намеревался доказать, и вполне основательно, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, и теперь он принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шхуна-бриг «Пилигрим», что ею командовал капитан Гуль и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Он любовался своим тараканом, как будто это противное насекомое было редчайшим золотым жуком.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя все еще долго пассажиры оставались под впечатлением страшной катастрофы, стоившей жизни шести человекам.

В первый день Дик Сэнд прямо разрывался на части: он стремился привести судно в полный порядок, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры-матросы усердно исполняли все распоряжения. К вечеру на борту «Пилигрима» уже царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать авторитет пятнадцатилетнего капитана. Казалось, он безмолвно признал Дика Сэнда начальством. Он по-прежнему много времени проводил на своем тесном камбузе и редко выходил на палубу.

Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест на все время плавания при малейшей попытке его нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес в трюм. Эта операция нисколько не затруднила бы великана. Старая Нан, умелая кухарка, отлично могла бы исполнять на камбузе обязанности кока. Очевидно, Негоро понимал, что он не является незаменимым, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлечь на себя нареканий.

Ветер к вечеру усилился, но направление его оставалось неизменным, и до наступления ночи не пришлось переставлять паруса. Солидные мачты, железные крепления их, хорошее состояние всей оснастки корабля позволяют сохранять такую большую парусность даже и при более сильном ветре.

К ночи корабли обычно уменьшают парусность главным образом за счет спуска верхних парусов – брамселя, бом-брамселя, топселя и других парусов. Тогда кораблю не страшны внезапно налетевшие шквалы. Но Дик Сэнд не стал принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, и ему не хотелось уменьшать скорость судна, пока оно не выбралось из этой пустынной части океана. Кроме того, молодой капитан намеревался простоять на вахте первую ночь и лично следить за всем.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться для приблизительного счисления пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компаса, который называют также буссолью, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе, перед глазами рулевого. Его картушка, днем освещенная солнечным светом, а ночью двумя боковыми лампами, каждую минуту указывала направление, по которому следует судно.

Второй компас представлял собою перевернутую буссоль и был укреплен в каюте, которую занимал раньше капитан Гуль. Таким образом капитан, не выходя из каюты, мог всегда знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему рыскать.

Все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, так же как они запасаются по меньшей мере двумя хронометрами. Время от времени, приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они. «Пилигрим», как видим, не отставал в этом отношении от других судов.

Дик Сэнд предложил своему экипажу с величайшей осторожностью обращаться с обоими компасами, которые были ему так необходимы.

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась беда с компасом, находившимся в капитанской каюте. Медный крючок, на котором он висел, вырвался из дерева, и компас упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом вырвался крючок?

Никто не мог объяснить, как произошло это несчастье. Оставалось предположить, что боковая качка постепенно расшатала крючок, а килевая, встряхивая прибор, завершила дело. Ночью было довольно сильное волнение. Но так или иначе, а второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился. Теперь он вынужден был доверяться показаниям компаса, заключенного в нактоузе. Никто не был ответственен за поломку второго компаса, и все же она могла иметь весьма неприятные последствия.

Дику Сэнду оставалось лишь принять меры к тому, чтобы оградить от всяких случайностей последний компас.

Если не считать этого происшествия, то на «Пилигриме» до сих пор все обстояло благополучно.

Видя, как спокоен Дик, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней вере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, по-видимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы, – он не чувствовал большой усталости. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стоял Том или его сын Бат. Благодаря толковому руководству Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Часто миссис Уэлдон беседовала с Диком. Юноша очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Ежедневно он показывал ей на карте путь, пройденный «Пилигримом» за сутки, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

– Вот видите, миссис Уэлдон, – говорил он, – при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, хотя бы от тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек по-прежнему шалил, бегал по палубе, играл с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, но миссис Уэлдон сумела внушить сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал больше к «капитану Сэнду».

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все больше усваивали свое матросское ремесло и толково справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодой капитан отдыхал, Том был начальником вахты; вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон в Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один правил, а двое других несли вахту на носу.

Судно находилось в пустынной части океана, и здесь можно было не опасаться столкновения со встречным кораблем. Но Дик Сэнд требовал от вахтенных настороженной бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь по правому борту и красный – по левому, – требование, конечно, вполне разумное.

Ночь за ночью Дик Сэнд проводил у штурвала. Иногда он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость, рука его почти инстинктивно правила тогда рулем. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дику пришлось разрешить себе несколько часов отдыха. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру, когда похолодало, они нависли очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Ходовые огни бросали свет лишь за борт, а палуба судна погружена была в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, произошло что-то похожее на явление гипнотизма: глаза его, слишком долго устремлявшиеся на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте. Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ущипнули, он, вероятно, ничего не почувствовал бы.

Он не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Старый Том не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень. Это был Негоро

Судовой кок подкрался к компасу и подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он принес с собой.

С минуту он смотрел на освещенную в нактоузе картушку и затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его, потому что Негоро положил под компас железный бру-

сок. Под влиянием этого куска железа показания компаса изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое немного отличается от направления на полюс мира, стрелка указывала теперь на северо-восток; девиация компаса достигла четырех румбов, то есть половины прямого угла.

Том через мгновение очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось – могло ли быть иначе? – что «Пилигрим» сошел с курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором вахтенный рулевой, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, взят был теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим» уклонился от заданного курса на 45°, продолжая нестись вперед с прежней скоростью.

Глава XI

Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер все усиливался, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большого и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шхуна-бриг приближается к водам, посещаемым трансокеанскими пароходами, которые поддерживают пассажирское сообщение между двумя полушариями.

Юноша все надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо добиться у капитана помощи: получить на «Пилигрим» временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Зорким взглядом он неустанно всматривался вдаль и все не обнаруживал ни одного судна. Море по-прежнему оставалось пустынным.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Молодой матрос, участвовавший уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах, несколько раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал то американское, то английское судно, которые либо поднимались от мыса Горн к экватору, либо спускались к этой крайней южной точке американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» идет на более высокой широте, то есть гораздо южнее, чем он предполагал. Это обуславливалось двумя причинами.

Во-первых, течениями. Дик Сэнд имел лишь смутное представление об их скорости. Между тем течения здесь были сильные, и они незаметно для глаз, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса, а Дик не мог установить это.

Во-вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан.

Итак, молодой капитан считал – и не мог не считать, – что ведет судно на восток, в действительности же вел его на юго-восток.

Компас всегда находился перед его глазами. Лаг регулярно опускали за борт. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которую иногда тревожили тяжелые мысли

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которую иногда тревожили тяжелые мысли.

– Неделей раньше или недель позже, – говорил он ей, – но мы доберемся до американского побережья. И не так уж важно, в каком месте мы пристанем... Главное то, что мы все-таки выйдем на берег!

– Я не сомневаюсь в этом, Дик!

– Разумеется, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту, если бы мне приходилось нести ответственность только за экипаж, но...

– Но если бы случай не привел меня на борт, – ответила миссис Уэлдон, – если бы кузен Бенедикт, Джек, Нан и я не плыли на «Пилигриме», если бы в море не подобрали Тома и его товарищей, то ведь тебе, мой мальчик, пришлось бы остаться с глазу на глаз с Негоро... А разве ты можешь питать доверие к этому злому человеку? Что бы ты тогда сделал?

– Прежде всего, – решительно сказал юноша, – я лишил бы Негоро возможности вредить...

– И один управился бы с судном?

– Да, один... с помощью Божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужественная женщина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Если молодой капитан еще не обладал достаточными знаниями по гидрографии, чтобы определять место своего корабля в море, зато у него было чутье истого моряка и «чувство

погоды». Вид неба и моря, во-первых, и показания барометра, во-вторых, подготавливали его наперед ко всем неожиданностям.

Капитан Гуль, хороший метеоролог, научил его понимать показания барометра. Мы вкратце расскажем, как надо пользоваться этим замечательным прибором¹⁶.

«1. Когда после долгого периода хорошей погоды барометр начинает резко и непрерывно падать – это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, то ртутный столбик может опускаться два-три дня, и лишь после этого произойдут в атмосфере сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет стоять дождливая погода.

2. Напротив, если во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды. И хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

3. В обоих случаях изменение погоды, происшедшее сразу после подъема или падения ртутного столба, удерживается весьма непродолжительное время.

4. Если барометр медленно, но беспрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил, не переставая, дождь, и *vice versa*¹⁷. Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды тотчас же начинает падать, – хорошая погода удержится очень недолго, и *vice versa*.

5. Весной и осенью резкое падение барометра предвещает ветреную погоду. Летом, в сильную жару, оно предсказывает грозу. Зимой, особенно после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем. Напротив, повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер и наступление морозов».

Вот общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэнд отлично умел разбираться в предсказаниях барометра и много раз убеждался, насколько они правильны.

Каждый день он советовался со своим барометром, чтобы не быть застигнутым врасплох переменной погоды.

Двадцатого февраля юношу обеспокоили показания барометра, и несколько раз в день он подходил к прибору, чтобы записать колебания ртутного столба. Барометр медленно и непре-

¹⁶ Извлечено из «Иллюстрированного словаря Ворпьера». (Примеч. автора.).

¹⁷ И наоборот (лат.).

рывно падал. Это предсказывало дождь. Но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Так и должно было произойти.

Но вместе с дождем в это время года должен был прийти и сильный ветер. В самом деле, через день ветер посвежел настолько, что скорость перемещения воздуха достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час.

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не изорвал паруса «Пилигрима» и не сломал мачты.

Он велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, но, сочтя это недостаточным, вскоре приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но нельзя было останавливаться перед трудностями, и действительно они никого не остановили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.